

Глава 38. Двуликий сосед по парте — отличник

После этих слов воздух, казалось, на мгновение застыл. Стоя под тусклым светом фонаря, черноволосый юноша смотрел на него взглядом настолько глубоким и непроницаемым, что Сюй Леян невольно поежился, не в силах разгадать его мысли.

Ему показалось, что собеседник просто не поверил. Обычно люди злятся, когда какой-то выскочка вдруг называет их соседа по парте и друга ненормальным.

Сюй Леян поспешил закрепить эффект:

— Я правда видел это, я не вру! Просто предупреждаю тебя... Если он сейчас ведёт себя нормально и больше ни за кем не таскается — хорошо. Но будь начеку. Я просто хочу, чтобы ты был в безопасности. Насколько я знаю, он ещё никому не причинил вреда, но кто знает, что у него на уме? В общем, приглядывай за ним.

Словно желая разрядить гнетущую атмосферу, он неловко усмехнулся:

— Хотя, если посмотреть на его комплекцию, с его-то данными он вряд ли сможет сделать что-то серьёзное.

Парень невольно вспомнил Лин Чжи, который преследовал его самого. Тот хоть и был парнем, но казался совершенно безобидным: ниже ростом, тоньше в кости — Сюй Леян мог бы уложить троих таких одной левой. Глядя на эти тонкие руки и ноги, он подумал: если тот и вздумает совершить что-то злодейское, это будет больше похоже на то, как жертва сама прыгает в пасть хищнику.

Сун Цзячжу некоторое время молчал, а затем коротким жестом поблагодарил Сюй Леяна. Тот не знал языка жестов, но смысл этого движения был понятен без слов.

Юноша понимал, что собеседник, кем бы он ни был для Лин Чжи, предупреждает его из добрых побуждений. Но это не могло унять странного, болезненного чувства, закипавшего в груди. Он заставил себя подавить враждебность: нельзя проявлять неприязнь к человеку, который просто проявил заботу.

Маленький немой вдруг замер.

«Откуда во мне эта враждебность?»

Он намеренно отмахнулся от этого вопроса, зацепившись за последнюю фразу Сюй Леяна.

«Лин Чжи нельзя больше ни за кем следить — это слишком опасно. Даже если он ведёт себя

как сталкер, и в мужском, и в женском обличье он больше похож на добычу. Если тот, в кого он влюбится в следующий раз, окажется дурным человеком... он будет как ягнёнок, идущий на заклание».

Слабый, невысокий, плачет от малейшей боли и целует кого попало, когда выпьет... Чем больше юноша думал об этом, тем сильнее хмурились его брови.

К этому моменту он уже отошёл далеко, оставив Сюй Леяна позади. Тот лишь посмотрел вслед уходящему отличнику, удовлетворенно вздохнув: ещё один день прожит не зря, ещё одно доброе дело сделано.

Когда Сун Цзячжу вернулся домой, Лин Чжи уже некоторое время ждал его у двери.

— Почему так долго? — недовольно проворчал гость. — Тут ужасно холодно.

Хозяину дома на мгновение захотелось предложить: в следующий раз Лин Чжи может просто зайти внутрь сам, он даст ему ключи.

Однажды парень уже просил об этом, жалуясь на неудобства, но тогда Сун Цзячжу отказал. Если бы он попросил сейчас, юноша, скорее всего, не смог бы сказать «нет».

Но Лин Чжи молчал. Дождавшись, пока дверь откроется, он просто прошёл следом.

Он прекрасно видел все метания соседа. Это тайное желание — отдать ключи — возможно, ещё не было до конца осознано самим Сун Цзячжу, но для Лин Чжи оно было очевидным.

«Неужели он действительно хочет просто дать мне ключи? Нет, он всё ещё ждёт, что я нарушу своё обещание. Ждёт, что я снова начну ему угрожать, требуя остаться соседями... Так ему будет проще. Он сможет обманывать себя, убеждая, что не нарушал своего привычного одиночества по собственной воле — его просто заставили, и у него не было выбора».

Лин Чжи знал, чего тот жаждет. Но станет ли он потакать его желаниям?

Разумеется, нет.

Он потратил почти месяц на то, чтобы смягчить Сун Цзячжу, разрушить стену между ним и миром. Но его истинной целью было не войти в этот кокон, а заставить юношу самого выбраться наружу.

Сосед должен был сам сделать шаг навстречу, сам захотеть этой связи. Он должен был стать активным участником, а не пассивной жертвой обстоятельств. Если позволять ему и дальше оставаться ведомым, Лин Чжи придётся тратить на него слишком много сил, а в итоге он сам рискует оказаться под контролем.

Отличник мог бы просто запереть его в своём маленьком мире, превратив из охотника в певчую птицу в золотой клетке. Лин Чжи предпочитал сам плести сети, а не становиться их украшением.

Он посмотрел на юношу, скрыв в глубине глаз лукавую улыбку.

«Иди ко мне. Принеси мне свою ревность и обиду, сломай свои преграды и переступи через всё, чтобы оказаться рядом. В этом плане спасения ты должен сам выйти из бездны».

Поскольку экзамены были уже на носу, Лин Чжи больше не спрашивал о текущих темах — его интересовали лишь те вопросы, что могли встретиться в билетах. Сун Цзячжу объяснял даже то, о чём его не просили, стараясь максимально закрепить знания в памяти соседа.

Тот понимал: он натаскивает его на конкретный результат.

Стрелки часов быстро приближались к полуночи. Сун Цзячжу не спешил вставать, ожидая, когда Лин Чжи задаст следующий вопрос.

Однако тот просто сложил черновики, убрал ручку в рюкзак и поднялся.

— Маленький немой, это наше последнее занятие. Завтра экзамен, да и на улице совсем похолодало — я больше не приду.

Лин Чжи поправил лямку рюкзака и продолжил:

— Теперь я уверен, что ты умеешь хранить секреты. Знаешь, общаться с кем-то, кто видел твоё истинное лицо, не так уж плохо — не нужно постоянно притворяться. Но, учитывая наш первоначальный уговор... пусть на этом всё и закончится.

Он криво усмехнулся, и в его улыбке промелькнула тень тщательно скрываемой боли.

— Вообще-то, я думал нарушить обещание и заставить тебя помогать мне и дальше, но... решил, что в этом больше нет смысла.

Лин Чжи закинул рюкзак на плечо.

— Ты свободен.

Когда он заговорил, его дыхание превратилось в лёгкое облачко пара, которое тут же растаяло в холодном воздухе. Сун Цзячжу смотрел на него, непроизвольно до боли сжимая пальцы.

«Нет смысла?»

«Неужели всё потеряло смысл лишь потому, что тот, кого он любит, так жестоко его отверг? Или... моё существование тоже ничего для него не значит?»

С тех пор как он узнал, что до конца осталась неделя, юноша намеренно перестал зачёркивать дни в календаре. Но сейчас ему пришлось признать: этот день подошёл к концу.

В груди похолодело. Хотя окна были плотно закрыты, ему казалось, что ледяной сквозняк ворвался в комнату, прошил его сердце насквозь и унёсся куда-то вдаль.

— Вот, это деньги за сегодня. Прощай.

Лин Чжи положил две купюры на кофейный столик и махнул рукой на прощание.

Дверь открылась и закрылась. Уличный ветер ворвался в прихожую, закружился вихрем и затих. Старая лампа отбрасывала тусклую тень — казалось, даже свет померк с приходом зимы.

С самого начала это была просто сделка. Лин Чжи платил ему за уроки. И ушёл он легко, не оборачиваясь.

Казалось, парень мгновенно забыл всё, что происходило в этой гостиной: свою слабость, свои признания, своё искушение... Но Сун Цзячжу ничего не забыл.

Листья Цзиньхуансин в углу начали подсыхать.

«Нужно полить цветы», — отстранённо подумал юноша.

Зимняя ночь была кусачей. Лин Чжи не поехал на велосипеде, а вызвал такси. Водитель оказался разговорчивым: спросил, почему парень так поздно возвращается из школы. Тот ответил, что засиделся у учителя, а мама не водит машину и боится, что он замёрзнет, вот и

вызвала машину. Таксист сочувственно закивал — мол, несладко нынешним школьникам, такие нагрузки.

Лин Чжи лениво поддакивал, глядя в окно на проплывающий мимо пейзаж. Город почти погрузился во тьму, лишь изредка мелькали одинокие фонари. Район, где жили школьники и учителя, спал глубоким сном.

[01: Он его даже не попытался остановить...]

Система была в полном недоумении. Она же чувствовала, как мечется душа объекта! Не можешь говорить — ну так схвати за руку! Но Сун Цзячжу просто замер, провожая Хоста взглядом.

[01: С таким подходом он навечно останется холостяком!]

«Для него это естественно, — отозвался Лин Чжи. — Он привык терять».

Он заранее знал, что так будет. Жизнь Сун Цзячжу — это череда потерь: родители, дом, голос, близкие... Поэтому он живёт один, ни к кому не привязываясь. Человек, у которого нет желаний и стремлений, опасен — без привязанностей люди легко переступают черту, за которой только смерть.

Это сделало отличника пассивным. Чтобы заставить его действовать, нужно время. Лин Чжи уже забросил в его душу достаточно семян, теперь они должны прорасти. Юноше нужно время, чтобы в тишине осознать, кем на самом деле стал для него Лин Чжи.

Все его нынешние сомнения и боль — это путь, который нельзя сократить.

Как говорится, хочешь поймать крупную рыбу — готовь длинную леску. Чтобы получить желаемое, нужно не только составить безупречный план, но и уметь ждать. И когда он наконец добьётся успеха, та степень зависимости, которую он взрастит в Сун Цзячжу, заставит его самого трепетать от восторга.

В среду начались экзамены.

После каждого предмета кто-то старался сохранять спокойствие и не обсуждать ответы, другие же, наоборот, бросались сверять результаты. Конечно, все ждали ответов Сун Цзячжу — лучшего ученика школы.

Сам он в этих спорах не участвовал и черновики не давал. Но когда страсти накалялись до

предела, кто-нибудь самый смелый всё же подходил к нему. Юноша молча записывал свой ответ, добавляя, что тоже может ошибаться, но на его приписку никто не смотрел. Если ответ совпадал, класс взрывался ликованием.

После экзаменов полагалось три дня отдыха, но на деле каникулы начинались чуть раньше. В четверг, после последнего теста по естественным наукам, ученики могли собирать вещи. Правда, перед уходом их ждала целая гора новых контрольных, которые учителя раздавали в качестве домашнего задания на праздники.

Тот сложил учебники и вышел из класса. Лин Чжи ушёл ещё раньше, и его след уже простыл.

Сун Цзячжу вышел за ворота школы. На остановке стоял автобус, в который лениво забирались ученики. Сквозь морозную дымку он увидел у окна знакомый силуэт.

Лин Чжи тоже заметил его. Он ладонью протёр запотевшее стекло и помахал соседу из образовавшегося чистого пятна. Один и тот же жест для встречи и для прощания, но оба понимали, что он означает сейчас.

Сквозь неровный круг на стекле Сун Цзячжу увидел его улыбку.

Это не была его обычная маска или наигранная дерзость. Это была удивительно искренняя, спокойная улыбка, которая в серых зимних сумерках казалась единственным ярким пятном.

На мгновение у юноши возникло непреодолимое желание броситься следом, заскочить в этот автобус... Но машина тронулась с места.

Словно случайный путник, застывший в нерешительности на перроне, он опоздал на свой поезд.

<http://bllate.org/book/15821/1435965>